



УДК 821.161.1

АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ТОПИКА В ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЕВА «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»

О. А. Кочеткова¹, Ю. В. Гапонова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 29.05.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-4

В статье рассматриваются агиографические топосы повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша», представленные различными компонентами ее художественной структуры – от отдельных черт главного героя Ильи Шаронова до сюжетных поворотов и вех его биографии. Устанавливается близость произведения житиям двух жанровых разновидностей – житиям праведников и житиям преподобных. Следование канонам агиографических текстов связано в повести с самим типом героя-праведника, образ которого строится в соответствии с традиционной парадигмой положительных качеств святого, с биографическим топосом, включающим устойчивый набор определяющих жизнь и судьбу героя событий и фактов, с такими структурно-сюжетными элементами, как сопровождающие героя сны, видения, знаки, чудеса, свидетельствующие о его приобщении и приобщенности к сакральному знанию и видению, а также с топосом «ангельского образа», реализующимся как внешнее сходство героя с ангелами.

Ключевые слова: история русской литературы, Шмелев, агиография, святость, агиографический топос, житийная литература.

Обращение к агиографическим традициям является важным фактором развития русской литературы, черпавшей в них темы и образы, художественные формы и способы выражения и творчески их переосмысливающей и преобразующей. Приобщение к этим истокам отличает творчество Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Б. К. Зайцева и др.

Особое место в этом ряду писателей-классиков занимает И. С. Шмелев, также прислушивавшийся к «зовам и откликам» (Бочаров, 1985, с. 3) русской житийной литературы и предложивший свой взгляд на русскую святость, на религиозно-православный опыт русского человека, на его исполненный драматизма, духовных исканий и молитвенных трудов путь к Богу, на его духовную биографию. Этот взгляд в разной мере характеризует большинство произведений эмигрантского периода его творчества. Повесть же «Неупиваемая чаша», создававшаяся незадолго до эмиграции, по свидетельству ее автора, с Богом в сердце и Евангелием под рукой (Келер, 1972, с. 237), – это его первое произведе-



ние, чью «внутреннюю целеустремленность» определяют «христианские традиции» (Соболев, 2012, с. 328), направляя ее идейный вектор в сторону агиографических решений.

Ее «прочная типологическая связь с древнерусским жанром жития» (Селянская, 2001, с. 109) не раз отмечалась исследователями, однако, как кажется, отдельные аспекты этой связи могли бы быть уточнены. Попытка сделать это предпринята в данной статье.

При том, что главной темой повести является тема творчества, рассматривается она через призму феноменов праведничества, святости, святых, которыми Библия называет не абсолютно безгрешных людей, а тех, кто стремится жить правильно, по заповедям Христа — так, как жили обыкновенные люди, после смерти церковным решением удостоенные ранга святых (Татаркин, 2011, с. 119).

Прежде всего следует отметить ее близость житийным текстам двух жанровых разновидностей — житиям праведников и житиям преподобных. С первыми ее сближает реализация идеи святости через описание праведной жизни в миру обычного человека — крепостного художника-самородка Ильи Шаронова, святого в том смысле, в котором употреблял это слово апостол Павел, называя так всех членов Церкви Христовой, живущих с Богом в сердце (Еф 1:1, 4, 15). Такая святость видится и в простых людях, с которых он писал лики святых, запечатлевая божественное, увиденное в земном. В облике своего учителя Арефия, в дар которому он написал образ преподобного Арефия Печерского с ликом простого «мужика» с веселыми, сияющими глазами, он усматривает сходство с обликом «стареньких угодников» (Шмелев, 1998, с. 391) — преподобных Сергия Радонежского и Саввы Сторожевского. Все написанные им святые имеют портретное сходство с людьми: покровитель мученика Терентия — с отцом, преподобная Мария Египетская — с Зойкой-цыганкой, а святая великомученица Анастасия Рымляныня — с возлюбленной Анастасией. В этом новаторском подходе к «ликописанию», в светло-радостной манере его изображения освященных Богом людей обнаруживается связь с живописным стилем художника Андрея Рублева, канонизированного Русской православной церковью на основании святости его жизни и творческого подвига и ставшего основоположником новой традиции русской церковной живописи. Наставник юного Ильи Шаронова Арефий увидел в нем «другого Рублева», а монахини чувствовали осененность одаренного живописца «благодатью божией... произволением» (Шмелев, 1998, с. 390).

Главная из канонических констант агиографии — герой жития, то, каким он изображается. Сам тип героя «Неупиваемой чаши» восходит к житийным образцам и оригиналам: образ его строится в соответствии с традиционной парадигмой положительных, неизменных и постоянных для святого качеств — это нравственная чистота и девственность, кротость, долготерпение и смирение, человеколюбие, жертвенность и устремленность к Богу. При этом, как отмечает Л. Г. Дорофеева, говоря о типологических разновидностях житийных героев, «смиранный человек», кроткий или дерзновенный, будучи «либо *пассивным, внешне*



недеятельным... либо активным и внешне деятельным» (Дорофеева, 2014, с. 356), отличается «внутренней напряженной жизнью», которая не чужда и герою Шмелева.

Помимо этих семантических параллелей с агиографией праведников повесть связывает биографический топос. При всей трансформации в соответствии с художественными задачами ее автора она сохранила важные черты канонической житийной схемы: рождение Ильи и рассказ о его родителях, описание его детства с устойчивыми мотивами стремления к богоугодной жизни («лежало сердце Ильи к монастырской жизни» (Шмелев, 1998, с. 387)), легкого усвоения грамоты¹ — в данном случае не только чтения, письма и счета, но и премудростей художнического дела — сначала от отца, затем от старика Арефия, а потом и от ватиканского мастера Терминелли, труды на братию, преодоление искушения плотью и других смущений, аскетические подвиги (подвижническая жизнь во власянице, стояние на коленях до утра на крупе и соли, ночные труды над иконами), расставание с домом и родиной, отвержение «славы от человека» (Шмелев, 1998, с. 402) (Илью не прельстила возможность писать для сильных мира сего — неаполитанского ли короля или «святейшего отца папы», он отказался от почетной работы).

Стремление избежать брака как житийный биографический мотив обернулось в истории крепостного художника его сакрализованными чувствами к Анастасии, к которой он относится как к святыне, поклоняясь ей, обожествляя ее, любуясь ею и борясь со своею любовью к ней, потому что,

чтобы *дать* великое, надо выстрадать, сломать и сжечь, перебороть *вещное*, плоть, даже красоту плоти. Он ее переборол — переломил «плотскую любовь», ночами ломал ее и творил «лик нездешний». Из плоти, превозмогая ее, творил — *дух*, высокое. Сжег себя, поборол, пронзил вещное, и за ним — узрел. И умер — оставив «Неупиваемую» — для всех. <...> от вещного мира пошел Илья, и через вещное проник в надвещное... (Ильин, 2000, с. 429–430; курсив автора).

Обязательным структурным компонентом житийного повествования были знаки, сны, видения, знамения, чудеса. В жизнеописании Ильи Шаронова они представлены дважды посетившим его видением — сначала шестнадцатилетним юношей, когда в монастырском саду «узрел он будто глядевшие на него глаза», «каких ни у кого нет», после чего «положил ... на сердце своем — служить Богу» (Шмелев, 1998, с. 391) (слышал от монахинь, что «бывают видения к смерти и послушанию» (Шмелев, 1998, с. 391)), затем двадцатидвухлетним, когда вновь

¹ В житиях реализуется и прямо противоположный мотив — неспособность к постижению грамоты. См., например, Житие Сергия Радонежского от Епифания: отроку Варфоломею (будущему святому Сергию Радонежскому) она не давалась, что с религиозной точки зрения вполне понятно и связано с тем, что «святой должен был получить знание свыше, от Бога, а не от книг» (Ляпин, 2014, с. 27).



открылись ему «радостно опаляющие душу», «светлые, как лучи зари» (Шмелев, 1998, с. 411), глаза, которые позже материализовались для него на прекрасном, девственном, неземном лице Анастасии. Было еще неведомо чье-то пение, которое сопровождало все пятнадцать верст пути из храма домой искавшего молитвенного утешения и получившего его мальчика: Господь покарал мучившего его тирана-барина «напрасною смертью» (Шмелев, 1998, с. 411). Кроме того, живя в Риме, увидел Илья сон, в котором получил «вразумление» возвращаться домой, на родину, а потом, возвращаясь туда на корабле, и сон, предсказавший ему встречу с Панфилом-шорником и невозможность встречи ляпуновцами, о смерти которых он еще не знал. Услышанное в старенькой римской церковке восклицание «*Rex vobiscum!*» он воспринял как отпуск из радостной, светлой, теплой, но чужой страны, а встретившегося на выходе из церкви «хроменького старичка с ведерком и кистью» (Шмелев, 1998, с. 403), напомнившего ему об отце, — как знак, истолкованный им как указание о том же. Чудеса также засвидетельствованы в его жизнеописании, но свершались они от посмертного дара Ильи — иконы Неупиваемая Чаша. Сначала, будучи известными только монахиням, чудеса, по архиерейскому положению, не оглашались, а после исцеления мающегося ногами убогого Мартына о них узнала вся округа, и многие «притекающие к Неупиваемой Чаше» и «в болезнях и скорбях, в унынии и печали, в обидах ищущие утешения» (Шмелев, 1998, с. 433) обрели его.

Следует обратить внимание и на такую черту жития преподобных, как внешнее сходство святого с ангелами², в повести получившую реализацию в неоднократных упоминаниях его привлекательности: «был он мальчик красивый и румяный, как наливное яблочко, а нежностью лица и глазами схож был с девочкой»³ (Шмелев, 1998, с. 384), его «приглядность» отмечают старый и молодой барин, «миленьким красавчиком» (Шмелев, 1998, с. 385) назвала его в детстве Любка Кривая и «красавчиком-корольчиком» (Шмелев, 1998, с. 421) — уже взрослого цыганка-ведьма, за красоту и нежность сердца полюбили его ученики Терминелли, прозвавшие Илью фанчуллой, что значило по-русски девочка.

² Внешнее подобие святого ангелу — один из мотивов топики *imitatio angeli*, характеризующей жития данной жанровой разновидности и являющейся их поэтической доминантой (см. об этом: Руди, 2003, с. 48–59).

³ Известно, что во многих традициях христианского искусства красота — обязательная черта видимого образа ангелов, изображаются ли они младенцами неопределенного пола или прекрасными женоподобными светозарными юношами (Ангелы, 1987, с. 78). Ср. с описанием изображения христианского святого Георгия Победоносца, которого написал Илья на монастырской стене: «Дивно прекрасен был юный Георгий — не мужского и не женского лика, — а как ангел в образе человека, с бледным ликом и синими глазами-звездами». Описание отражает воззрения святых отцов, говорящих о духовности и бестелесности естества ангелов, которые, по словам Блаженного Филарета, принимают на себя чувственные образы, «сообразуясь с пользой видящих», чтобы смотрящий на них не убоялся, но понял, что перед ним посланник Божий (цит. по: Лисицына, Иконография ангелов).



Следование житийному канону в его композиционных особенностях, связанных, в частности, с обрамлением повествования о жизни святого введением, где агиограф часто говорит о своем недостойнстве и греховности и приводит параллели из Священной истории, и послесловием, содержащим обычно благодарение Бога и призыв к восхищению подвигом и чудесами святого (Никулина, Назначение жития святого), усматривается в соотнесенности вводной части повести, предшествующей ее 1-й главе, и ее последней главы. Повествователь, приступая к рассказу, так же, как и автор жития, из своего греховного бытия, из своей современности смотрит на судьбу героя и видит несовершенство тех, для кого в том числе он трудился и кому в назидание оставлена история его «тоскующего человеческого сердца» (Шмелев, 1998, с. 383). А они, безусловно, в таком наставлении нуждаются. Об этом свидетельствует духовная слепота дачников, которые, развлекаясь, весело обзревают «житийные» места, пьют там чай, поют, говорят банальности, думают о своей «серенькой жизни» (Шмелев, 1998, с. 379) и лишь на краткое время ощущают очарование горечью и затаившимся страданием, проливающимися на них с портрета Анастасии Ляпуновой. Однако им история крепостного художника пока неведома: по словам мудрого архиерея, им, жаждущим радости и не стремящимся искать путей Господней благодати, рано еще открывать страницы трагической, жертвенной и поэтому поучительной судьбы человека, положившего свою жизнь на алтарь служения Богу и народу (хотя некоторые их все-таки прочитали). Они видят глазами⁴, но незрячим остается их сердце, они не интересуются автором чудесного портрета Анастасии, мало кто знает о нем и в округе, могила его забыта. Это замечание о забвении мастера рефреном звучит в конце предпоследней 16-й главы, завершающей повествование о жизни Ильи Шаронова, обрамляя его и композиционно скрепляя начало и конец истории его жизни. В таком людском беспамятстве и неблагодарности слышится антигезная переключка повести Шмелева с заповедью Церкви Христовой, прежде всего Православной, о почитании святых (см., например, (Лебедев, 1994)), чьи имена сохраняют для мира их жития, которые, кстати сказать, писались и самими святыми; историю своей жизни в «итальянскую тетрадь бумаги» (Шмелев, 1998, с. 383) тоже записал сам Илья.

⁴ Не случайно, очевидно, в зарисовке поведения дачников из 38 употребленных глагольных форм 7 имеют значение зрительного восприятия (*вглядываются*), трижды *смотрят*, *осматривать* и *осматривают*, *оглядывают*, *оглядывают*, *осмотрено*. Другими формами этого семантического ряда рисуется картина тоже смотрящего на запустение вокруг вещного и природного мира (*смотрит* бузина (Шмелев, 1998, с. 379), *смотрит* карельская береза (Шмелев, 1998, с. 380), *глядит* дом (Шмелев, 1998, с. 380). И только с портрета уже умершей Анастасии на «всякого сразу» (Шмелев, 1998, с. 381) сияют и радостью, и затаившимся страданием ее глаза. Такова была животворящая сила любви и искусства написавшего его мастера.



Таким образом, агиографические топики представлены в повести компонентами разных уровней художественной структуры повести, участвующими в реализации образного воплощения ее художественной идеи о духовном подвижничестве в искусстве.

Список литературы

- Ангелы* // Мифы народов мира : энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 76–79.
- Бочаров С. Г.* О художественных мирах. М., 1985.
- Дорофеева Л. Г.* Человек смиренный в агиографии Древней Руси // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 16–17. М., 2014. С. 9–388.
- Ильин И. А.* Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1927–1934) / И. А. Ильин, Иван Шмелев ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 2000.
- Келер Л. И. С.* Шмелев о себе и о других // Русская литература в эмиграции / под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 233–240.
- Лебедев Н. В.* Почитание святых. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. URL: <http://interpretive.ru/dictionary/445/word/%CF%FO%EE%EВ%EE%EЗ> (дата обращения: 25.11.2017).
- Лисицына О.* Иконография ангелов. URL: <http://www.pravmir.ru/lektsiya-olgi-lisitsyinoi-ikonografiya-angelov-video/> (дата обращения: 25.11.2017).
- Ляпин Д. А.* Система символов в «Житии Сергия Радонежского» // История в подробностях. 2014. №5 (47). С. 22–28.
- Никулина Е. Н.* Назначение жития святого. Житийный канон. URL: <https://religion.wikireading.ru/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%95%20%D0%9D-kng> (дата обращения: 25.11.2017).
- Руди Т. Р.* «Imitatio angeli»: проблемы типологии агиографической топики // Русская литература. 2003. №2. С. 48–59.
- Селянская О. В.* Художественный мир русского православия в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2001. Т. 5 (23). С. 109–111.
- Соболев Н. И.* Из творческой истории повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Проблемы исторической поэтики. 2012. №10. С. 328–340.
- Татаркин В. И.* Возвращаясь в истоках христианского учения. Тюмень, 2011.
- Шмелев И. С.* Неупиваемая чаша // Собр. соч. : в 5 т. М., 1998. Т. 1. С. 379–436.

Об авторах

Ольга Леонидовна Кочеткова, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: olgkochetkova@mail.ru

Юлия Викторовна Гапонова, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: yulyapost@mail.ru

Для цитирования:

Кочеткова О. Л., Гапонова Ю. В. Агиографическая топка в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №3. С. 64–71. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-4.



THE HAGIOGRAPHIC TOPIC IN I. S. SHMELEV'S NOVEL
THE INEXHAUSTIBLE CHALICE

O. L. Kochetkova¹, Yu. V. Gaponova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on May 29, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-4

In this article, we discuss the hagiographic topics in I. S. Shmelev's novel The Inexhaustible Chalice, which are expressed through different components of the novel's literary structure – ranging from the individual traits of the main character, Ilya Sharonov, to twists of the plot and the milestones of his biography. We maintain that in terms of the genre this novel resembles both the lives of the righteous and the lives of the venerable. The novel conforms to the canons of hagiographic texts because of the presence of a righteous character, whose image is built in accordance with the traditional paradigm of the positive qualities of a saint. Other reasons for such conformity include the biographical topic, namely, a stable set of events and facts, affecting the life and fate of the character, and such structural plot elements as the character's dreams and visions, as well as signs and miracles, which testify to his initiation into sacred knowledge and visions. The topic of the 'angelic image', which is manifested in the character's physical resemblance to an angel, also contributes to the conformity with the hagiographic canon.

Keywords: history of Russian literature, Shmelev, hagiography, holiness, hagiographic topic, lives of saints.

References

Angely [Angels], 1987. Tokarev, S.A. (ed.). *Mify narodov mira. Entsiklopediya. (V 2 tomakh)* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. (In 2 volumes)]. Vol. 1. Moscow, pp. 76-79 (in Russ.).

Bocharov, S.G., 1985. *O khudozhestvennykh mirakh* [On the artistic worlds]. Moscow (in Russ.).

Dorofeeva, L.G., 2014. A humble person in the hagiography of Ancient Rus. *Germenevika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature], 16-17, pp. 9-388 (in Russ.).

Ilyin, I.A., 2000. *Sobranie sochinenii. Peregiska dvukh Ivanov (1927-1934)* [Collected Works. Correspondence of two Ivan (1927-1934)]. Moscow (in Russ.).

Keler, L., 1972. I. S. Shmelev about himself and about others. In: N. Poltoratsky, ed. *Russkaya literatura v emigratsii* [Russian literature in exile]. Pittsburgh (in Russ.).

Lebedev, N.V., 1994. *Pochitanie svyatykh. Kratkii slovar' agiograficheskikh terminov* [Veneration of the saints. A Brief Dictionary of Hagiographic Terms]. Moscow. Available at: <http://interpretive.ru/dictionary/445/word/%CF%FO%EE%EB%EE%E3> [Accessed 25 November 2017].

Lisitsyna, O., 2014. *Ikonografiya angelov* [Iconography of the angels]. Available at: <http://www.pravmir.ru/lektsiya-olgi-lisitsyinoi-ikonografiya-angelov-video/> [Accessed 25 November 2017].

Lyapin, D.A., 2014. System of symbols in the "Life of Sergius of Radonezh". *Is-toriya v podrobnostyakh* [History in details], 5(47), pp. 22-28 (in Russ.).

Nikulina, E.N., 2008. *Naznachenie zhitiya svyatogo. Zhitiinyi kanon* [Appointment of the life of the saint. The Life Canon]. Available at: <https://religion.wikiread->



ing.ru/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%95%20%D0%9D-kng [Accessed 25 November 2017].

Rudi, T.R., 2003. «Imitatio angeli»: (problems of the typology of the hagiographic topic). *Russkaya literatura* [Russian literature], 2, pp. 48-59 (in Russ.).

Selyanskaya, O.V., 2001. The artistic world of Russian Orthodoxy in the novel I.S. Shmeleva "The Inexhaustible Chalice". *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: The humanities], 5(23), pp. 109-111 (in Russ.).

Sobolev, N.I., 2012. From the creative history of I. Shmelev's story "The Inexhaustible Chalice". *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 10, pp. 328-340 (in Russ.).

Tatarkin, V.I., 2011. *Vozvrashchayas' v istokam khristianskogo ucheniya* [Returning to the origins of the Christian teaching]. Tyumen (in Russ.).

Shmelev, I.S., 1998. *Neupivaemaya chasha* [Inexhaustible chalice]. Vol. 1, pp. 379-436 (in Russ.).

The authors

Dr Olga L. Kochetkova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: olgkochetkova@mail.ru

Dr Yulia V. Gaponova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: yulyapost@mail.ru

To cite this article:

Kochetkova O.L., Gaponova Yu.V. 2018, The Hagiographic Topic in I.S. Shmelev's Novel *The Inexhaustible Chalice*, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 3, p. 64–71. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-4.